

А. А. КАСЬЯН

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ДИСКУССИИ: СТАНОВЛЕНИЕ КИБЕРНЕТИКИ В КОНТЕКСТЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ВУЗА

Научно-идеологические дискуссии, проходившие в СССР в середине XX в., основательно освещены в литературе. К наукам, которые были их предметом, нередко относят и кибернетику. В статье показывается, что для этого нет объективных оснований. Ситуация вокруг кибернетики была иной, чем вокруг других наук, выступавших предметом дискуссий (генетика, языкознание и т. д.). Становление кибернетики в СССР проходило в сложных условиях; мировоззренческие, идеологические факторы играли немалую роль в этом процессе, но не были разрушительными. Конкретизация этого вывода дается на материале становления и развития кибернетики в Горьковском университете, где был открыт первый в стране факультет вычислительной математики и кибернетики.

Ключевые слова: наука, идеология, мировоззрение, научно-идеологические дискуссии, кибернетика, центр, регион, университет.

Важная страница отечественной истории науки – научно-идеологические дискуссии, проходившие в СССР в конце 40-х – начале 50-х гг. XX в. Основных дискуссий было шесть: по философии (1947), биологии (1948), языкознанию (1950), физиологии высшей нервной деятельности (1950), химии (1951), политической экономии (1951) ¹. Нередко к этим дискуссиям, имея в виду их идеологическую и мировоззренческую составляющие, присоединяют и дискуссию по кибернетике. Например, в основательном словаре «Русская философия» говорится:

Печально известная сессия ВАСХНИЛ (1948), разгромившая генетическую науку, а также отрицательное отношение к кибернетике, которая в 50-х гг. была объявлена «лженаукой», надолго задержали развитие научной и связанной с ней философско-методологической мысли в стране ².

¹ См.: *Кожевников А. Б.* Игры сталинской демократии и идеологические дискуссии в советской науке: 1947–1955 гг. // ВИЕТ. 1997. № 4. С. 26–58. Об идеологических аспектах этих дискуссий, в том числе в их региональном «измерении», см.: *Идеология и наука (дискуссии советских ученых середины XX века)* / Отв. ред. А. А. Касьян. М., 2008; *Касьян А. А., Куревина С. В., Петрова Н. Е.* Затухающий сигнал: идеологические дискуссии в советской науке середины XX века в региональном контексте // ВИЕТ. 2010. № 3. С. 76–96.

² *Делокаров К. Х., Павлов А. Т.* Философские вопросы естественных наук // *Русская философия. Словарь* / Под общ. ред. М. А. Маслина. М., 1995. С. 572.

Если по отношению к сессии ВАСХНИЛ вопрос ясен, то относительно кибернетики ситуация, даже если исходить из приведенного суждения, не вполне понятная. Что имеется в виду под словами «отрицательное отношение», кому (официальному лицу, властной или руководящей научной структуре) оно принадлежит, каково его содержание? Кем и когда, в какой форме кибернетика была объявлена лженаукой? На уровне высшего политического руководства страны таких заявлений сделано не было. Руководящие научные структуры страны также не высказывали в директивной форме своего отрицательного отношения к кибернетике, тем более не объявляли ее лженаукой. Что касается «долгой задержки» развития научной мысли в стране, то по отношению к кибернетике это неверно. Вскоре после ее негативных оценок в массовых средствах информации начался процесс ее своего рода «реабилитации». Впрочем, «репрессий» (а значит, и как таковой «реабилитации») по отношению к кибернетике в том смысле, как это было, например, с генетикой (увольнения с работы, кадровые решения, организационно-структурные изменения, пересмотр тематики научно-исследовательских работ, учебных планов и программ и т. д.) не наблюдалось.

Еще одно суждение: в истории нашей страны имел место

трагический период в университетском образовании конца 40-х годов, времени искоренения генетики, кибернетики, борьбы «против космополитизма и преклонения перед Западом»³.

По отношению к кибернетике мотив «искоренения» не соответствует действительности. Да и «преклонение перед Западом» не инкриминировалось сторонникам этого научного направления, их имена (названия соответствующих научных структур) не звучали в негативных по отношению к кибернетике публикациях. Иногда подобная точка зрения выражается в явно неакадемической форме: «Разбойно-идеологическое наступление велось против генетики, кибернетики (а также нельзя забывать, против истории философии, языкознания и т. д.)»⁴.

Если в научной литературе встречаются поверхностные, не имеющие достаточного основания оценки историко-научных сюжетов, то в еще большей степени это относится к литературе художественной, претендующей на отражение действительности. По страницам художественной прозы кочуют штампы, подобные нижеследующим: «возрастная психология была “закрыта” вместе с генетикой и кибернетикой», «Хрущев продвигал понятного Лысенко и задвигал генетиков, кибернетиков»⁵.

Но есть и более взвешенные оценки:

Идеи кибернетики в СССР прошли сложный путь развития [...] На первых порах развития кибернетики как в нашей стране, так и за рубежом эта наука не всегда оценивалась правильно. В странах Запада всякого рода

³ Сенчихина Ю. Б. Рецензия на книгу А. Т. Павлова «Философия в Московском университете» (СПб., 2010) // Вопросы философии. 2011. № 7. С. 190.

⁴ Мотрошилова Н. В. Научно-технические инновации и их цивилизационные предпосылки // Философия познания / Под общ. ред. Т. Г. Щедриной. М., 2010. С. 70.

⁵ Улицкая Л. Е. Зеленый шатер. М., 2011. С. 105, 239.

популяризаторы, любители сенсаций подняли вокруг нее рекламную шумиху; появились статьи о неизбежности наступления «эры роботов», о грядущем вытеснении людей кибернетическими машинами. В этих условиях некоторые советские философы и математики перенесли на кибернетику то отрицательное отношение, которое вызвали к себе упомянутые выше неоправданные выводы из развития кибернетики и электронно-вычислительной техники⁶.

В рамках феноменологического подхода отметим те события рассматриваемого периода, которые можно четко зафиксировать.

Кибернетика не была предметом специально-организованной дискуссии (совещания, сессии и т. д.), не было ее рассмотрения в рамках какой-либо властной (политической или научной) структуры. Для сравнения: философия пережила всесоюзное совещание, проведенное по решению ЦК ВКП(б), с докладом на нем одного из высших руководителей партии А. А. Жданова, отредактированным И. В. Сталиным; биология – сессию Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук с докладом ее президента Т. Д. Лысенко, одобренным Сталиным; языкознание – дискуссию в газете «Правда», апогеем которой стала опубликованная в ходе обсуждения статья Сталина «Относительно марксизма в языкознании»; физиология высшей нервной деятельности – совместную научную сессию Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР, созванную по инициативе их президентов, выраженной в письме Сталину; химия – всесоюзное совещание в рамках АН СССР; политическая экономия – дискуссию по решению ЦК ВКП(б), кульминацией которой явилась публикация работы Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР».

Ничего подобного с кибернетикой не происходило. Никаких официальных совещаний, сессий, собраний с целью «навести порядок», «разобраться» с этой наукой, никаких официальных документов, директивных указаний по отношению к ней не было, никакого личного участия, включенности представителей высших партийно-государственных и научных структур в ход событий, никаких кадровых решений, корректировки планов научных исследований или педагогического процесса в высшей школе. Импульс, идущий от «центра» во всех науках, выступающих предметом дискуссий, был значительным, хотя и не всепроникающим, не абсолютным. Подобного импульса, идущего от «центра», кибернетика не дождалась.

Показательна также тематика и содержание журнала, который выступал ориентиром в обсуждении идеологических и мировоззренческих аспектов развития науки. «Коммунист» (до ноября 1952 г. – «Большевик») – теоретический и политический журнал ЦК КПСС – в период 1946–1956 гг. не опубликовал ни одного материала, посвященного кибернетике. В то же время почти в каждом номере – статьи о развитии науки в СССР в целом, об отдельных отраслях знания, особенно тех, которые выступали предметом обсуждения в официальных научно-идеологических дискуссиях, статьи негативного ха-

⁶ История философии в СССР. В 5 т. // Ред. В. Е. Евграфов. М., 1985. Т. 5. Кн. 1. С. 697–698.

рактера по отношению к наукам, которые отвергались «генеральной линией» (например, так называемая формальная генетика, учение о языке академика Н. Я. Марра).

Однако ситуация вокруг кибернетики не была безоблачной. По свидетельству М. Г. Гаазе-Рапопорта,

журналистский бум, поднятый в западной печати после появления книги Винера (имеется в виду книга «Кибернетика, или управление и связь в животном и машине», вышедшая в 1948 г. Русский перевод – 1958 г. – А. К.), идеалистические и механистические выводы, встречавшиеся в зарубежных популярных статьях, вызывали в нашей стране в период 1948–1954 гг. резко негативное отношение к кибернетическим идеям, замедлившие разработку их позитивного содержания. Этому способствовало появление ряда публикаций в отечественной печати, в которых кибернетика характеризовалась как идеалистическая буржуазная лженаука ⁷.

В более поздней работе этот же автор пишет: «Появилось множество статей в массовой и научной печати, критикующих т. н. кибернетику как антигуманное буржуазное направление» ⁸.

Если сравнить эти публикации одного автора (их разделяет не просто несколько лет, но глобальное историческое событие – смена в нашей стране общественно-политического строя), то получается любопытная картина. Эволюция авторской позиции: от «ряда публикаций» к «множеству статей».

Помимо отмеченной, существует и другая точка зрения, характеризующая идеологическую ситуацию вокруг кибернетики в ее количественном воплощении. Л. Грэхэм пишет:

Общее число статей, прямо направленных против кибернетики, не превышало, кажется, трех или четырех. Это число было намного меньше, чем число идеологически воинствующих публикаций, появившихся в других спорах [...] что объясняется, без сомнения, обстоятельствами того времени: к моменту, когда кибернетика стала широко известной, худшие времена идеологического вторжения в советскую науку прошли ⁹.

Конечно, фактор социального времени – важная причина, но не единственная. Надо иметь в виду и практическое значение кибернетики, а также ее соответствие духу научной рациональности, присущему теории марксизма и практике социализма.

Тем не менее остаются справедливыми слова Б. В. Бирюкова:

Период 50-х годов вдумчивому исследователю развития науки представляется одним из самых интересных и драматичных. Стоит, например,

⁷ Гаазе-Рапопорт М. Г. О становлении кибернетики в СССР // Кибернетика: прошлое для будущего / Ред. Б. В. Бирюков. М., 1989. С. 63–64.

⁸ Гаазе-Рапопорт М. Г. Первый неформальный этап развития отечественной кибернетики // Философские исследования. 1993. № 4. С. 439.

⁹ Грэхэм Л. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М., 1991. С. 272.

разобраться в том, как возникли несостоятельные методологические квалификации кибернетики и как они преодолевались¹⁰.

Названные выше работы, направленные против кибернетики, это статьи «Кому служит кибернетика» в журнале «Вопросы философии» (1953. № 5), подписанная «Материалист», и анонимная «Кибернетика» в «Кратком философском словаре» (М., 1954). Кроме того, нужно отметить публикацию М. Ярошевского «Кибернетика – “наука” мракобесов» в «Литературной газете» (5 апреля 1952 г.).

Название статьи в журнале отражает претензию на раскрытие в ней сущности этой науки. Зоголовек материала в газете содержит заявку на анализ функциональной стороны дела (кибернетика и общество). В философском словаре кибернетика квалифицируется как «реакционная лженаука [...] форма современного механицизма», возникшая

на основе современного развития электроники, в особенности новейших скоростных счетных машин, автоматики и телемеханики.

Она

рассматривает психофизиологические и социальные явления по аналогии [...] с электронными машинами и приборами, отождествляя работу головного мозга с работой счетной машины, а общественную жизнь – с системой электро- и радиосвязи.

При этом

кибернетика ярко выражает одну из основных черт буржуазного мировоззрения – его бесчеловечность, стремление превратить трудящихся в придаток машины, в орудие производства и орудие войны. Вместе с тем для кибернетики характерна империалистическая утопия – заменить живого, мыслящего, борющегося за свои интересы человека машиной как в производстве, так и на войне¹¹.

Характерно, что ни в предшествующих, ни в последующих выпусках этого издания вообще нет статьи с таким названием.

Статья в философском словаре – минимально информативная и максимально оценочная. Можно было бы ожидать содержательной характеристики кибернетики (обязательной для ее последующих оценок) в академическом философском журнале – «Вопросы философии». Но этого не было. Прежде всего заметим, что прямых цитат из работы Н. Винера «Кибернетика» в журнальной статье почти нет. Вот одна из немногих:

Нынешний промышленный переворот ведет к обесцениванию человеческого мозга, по крайней мере в его простейших и более рутинных функ-

¹⁰ Бирюков Б. В. Кибернетика, информатика, вычислительная техника, автоматика: проблемы становления и развития. Вклад отечественной науки // Кибернетика: прошлое для будущего... М., 1989. С. 34.

¹¹ Краткий философский словарь / Ред. М. Розенталя, П. Юдин. М., 1954. С. 236–237.

циях [...] Квалифицированный ученый и квалифицированный администратор могут пережить эту промышленную революцию. Но коль скоро она совершится, рядовому человеку со средними способностями или со способностями ниже среднего нечего будет продавать, за что стоило бы что-либо платить ¹².

Помимо немногих прямых ссылок на Винера в статье приводится много оценивающих его идеи суждений, которые имеют околonaучный характер: принадлежат журналистам, популяризаторам науки и т. п. Все эти высказывания относятся к нескольким реальным проблемам: мозг и вычислительная техника, человек и машина, техника и общество. Суть их может быть сведена к двум тезисам: развитие кибернетики ведет к тому, что машина заменяет человека и техника становится доминирующей в социуме. Это проблемы не самой по себе кибернетики, а ее возможных последствий, получавшие мировоззренческую и даже идеологическую интерпретацию. Имела место логическая ошибка (сознательная или бессознательная), которая может быть названа подменой тезиса. Возможные социальные, имеющие политический оттенок, т. е. социально-политические последствия практического применения кибернетики, а также ее некорректные мировоззренческие интерпретации, распространенные в околonaучном окружении кибернетики, приводили не просто к настороженному, но негативному отношению к ней. Идеология, мировоззрение выступали судьей (выполняли судейские функции) по отношению к содержанию реальной науки. Причем не прямо, а опосредованно. Опосредующим звеном выступало возможное функционирование кибернетики в обществе, его идеологические и мировоззренческие интерпретации. Это – типичное проявление натурфилософского подхода, характерного в известное время для европейской науки и преодоленного в ней, но нашедшего свое квазипродолжение в отношении к науке в СССР. Отсюда выводы, имеющие явно политико-идеологический характер:

Если механизм, машина мыслит, то и человека вполне можно и нужно заменить машиной, но не любого человека, а только лишнего, такого, который считается «беспокойным элементом» ¹³.

Или:

Процесс производства, осуществляемый без рабочих, одними только машинами, управляемыми гигантским мозгом вычислительной машины! Ни забастовок, ни стачек, ни тем более революционных восстаний. Машины вместо мозга, машины без людей! Какая заманчивая перспектива для капитализма! ¹⁴

Очевидно, что негативная оценка кибернетики была вызвана не ее механистическим характером, не ее метафизичностью (антидиалектичностью), не ее параллелями с идеализмом. Философские обвинения были весьма на-

¹² [Материалист] Кому служит кибернетика // Вопросы философии. 1953. № 5. С. 217.

¹³ Там же. С. 213–214.

¹⁴ Там же. С. 219.

тянутыми и легко могли уже в то время быть отвергнуты. Они были своего рода ярлыком, «идеологической дубинкой», которая была введена в дело для утверждения антикибернетических установок. Нужда в них возникла в связи с тем, что кибернетика, ее развитие и практическое применение, поднимали реальные социальные проблемы, имели неоднозначные последствия, допуская различные мировоззренческие интерпретации.

О социальных последствиях кибернетики в ее функциональном «измерении» задумывался уже сам Винер. Вспоминая о времени, когда происходило становление основных идей кибернетики, он писал, что уже тогда у него росло понимание их неоднозначных последствий для общества: «создание заводов-автоматов неизбежно должно было бы привести к новым социальным проблемам, связанным с занятостью рабочих»¹⁵;

необходимо принять меры предосторожности, чтобы освобождение человека от однообразной работы на заводах не привело к обесценению человеческой личности и возвеличиванию машины¹⁶.

Более того, Винер, понимая, что его идеи могут быть использованы при реализации «манхеттенского проекта» (создание атомной бомбы) и вообще в военных целях, какое-то время пытался скрывать эти идеи от широкой научной общественности (избегал участия в дискуссиях, выступлений на конференциях и т. д.). Он пишет:

Я попытался разобраться, в чем состоит мой долг, и решить, не следует ли мне воспользоваться правом иметь личные секреты – существует же в высших сферах право хранить государственные тайны – и скрыть свои идеи и свою работу. Некоторое время я забавлял самого себя этим намерением, но потом пришел к заключению, что оно неосуществимо, так как мои идеи принадлежат скорее нашему времени, чем мне лично. Даже если бы я уничтожил каждое слово, которое могло дать представление о том, что я сделал, эти слова неизбежно появились бы снова в работах других и, может быть, в таком контексте, при котором их философский смысл и кроющаяся за ними социальная опасность оказались бы менее явными. Я уже не мог соскочить со спины необъезженной лошади, на которую взобрался, и мне ничего не оставалось, как скакать вперед. Я решил отказаться от политики величайшей секретности и перейти к политике самой широкой гласности, обратив внимание общества на все преимущества и опасности нового начинания¹⁷.

Развитие кибернетики ставило реальные проблемы перед философией: человек и машина, техника; живое существо и техническое устройство; мозг и компьютер; управление, информация, связь, моделирование и т. д. Но ситуация с кибернетикой была иной по сравнению, например, с ситуацией с генетикой. Дискуссии о методологических, мировоззренческих аспектах кибернетики отнюдь не исключали реальных исследований в рамках этого

¹⁵ Винер Н. Я – математик. М., 1967. С. 284.

¹⁶ Там же. С. 298.

¹⁷ Там же. С. 295–296.

научного направления, научных семинаров, публикаций, отражения новых научных идей в образовательной деятельности и т. д.

Кибернетика развивалась стремительно, ее идеи проникали во многие области науки. Она явилась комплексным научным направлением, бесспорно имеющим философские аспекты. Но путь становления кибернетических идей был сложным. В 1940–1950-е гг. были введены в эксплуатацию первые электронно-вычислительные машины, сложилась теория информации, теория автоматического регулирования переросла в теорию управления сложными системами, была осознана общность задач переработки информации и управления, возникающих в сферах техники, живой природы и общества. Реальные проблемы практического применения кибернетики были очевидны, но они получали неадекватную интерпретацию в «буржуазных» средствах массовой информации и научно-популярной литературе и т. п. Это принципиальный момент. В процессе критики подменялся ее объект: кибернетика критиковалась и отвергалась не столько сама по себе, сколько из-за неадекватных сути дела ее мировоззренческих и идеологических интерпретаций.

Вместе с тем, надо признать, что развитие практических приложений кибернетики, всеобщая компьютеризация и тому подобные процессы ставят реальные проблемы и для сегодняшнего дня. Машина не заменила человека, но некоторые его интеллектуальные функции успешно выполняет. Техника не вытеснила, но потеснила людей из сферы материального производства. Манипулирование сознанием и тотальный контроль за человеком стали реальностью. Развитие науки представляет немалую угрозу телесному и духовному бытию человека. Причем эти угрозы возрастают. В. А. Лекторский отмечает:

Новые информационные технологии [...] создают новую жизненную среду человека и ставят под вопрос многие привычные способы ориентации в мире и традиционные человеческие ценности. Жизненный мир человека – это историческое и культурное понятие. Он многократно менялся и был разным в разных культурах. При этом он всегда сохранял определенные инварианты. Сегодня под влиянием науки и техники происходит «взламывание» этих инвариантов¹⁸.

Уместно вспомнить слова В. И. Ленина о том, что «реакционные поползновения порождаются самим прогрессом науки». Правда, реакционными поползновениями назывались идеалистические интерпретации и выводы, которые делались из открытий в области физики на рубеже XIX–XX вв. Оставим в стороне вопрос можно или нельзя назвать их реакционными (прогрессивными). Но бесспорно влияние фундаментальных научных достижений на мировоззрение, неоднозначность мировоззренческих интерпретаций науки. В ситуации с кибернетикой речь шла о действительно реакционных выводах (отвергнуть, запретить и т.п.), тормозивших развитие науки. При этом реакционность, прикрываемая ярлыками механицизма, метафизичности и проч., состояла вовсе не в этих экспликациях кибернетики, а в некачественном анализе и, как следствие, осуждении становящейся науки. Энергия

¹⁸ Лекторский В. А. Наука и мир человека // Философия познания / Под общ. ред. Т. Г. Щединой. М., 2010. С. 36.

критики, энергия отрицания были направлены на выводы, интерпретации, оценки, которые делались в западных средствах массовой информации, научно-популярной литературе и т.п. Но ведь проблемы социального характера, порождаемые практическим применением кибернетики, могут решаться, возможно управление их движением. Поэтому наваждение, «угар» отрицания кибернетики были недолгими. Начало его преодолению было положено журналом «Вопросы философии», где были напечатаны объективные статьи о кибернетике, спустя всего два года после их негативной оценки в том же журнале: *Кольман Э.* «Что такое кибернетика?» (1955. № 4) и *Соболев С. Л., Китов А. И., Ляпунов А. А.* «Основные черты кибернетики» (1955. № 4).

* * *

Становление кибернетики в Горьковском университете проходило в достаточно спокойной обстановке. Своеобразной точкой старта явилась публичная лекция о кибернетике профессора ГГУ академика А. А. Андропова, основателя и лидера всемирно известной школы нелинейных колебаний и автоматического регулирования. Как отзывался об этой лекции профессор ГГУ (тогда начинающий преподаватель) Ю. И. Неймарк:

Я никогда в жизни не слышал лекций столь проникновенных, содержательных и производящих неизгладимое впечатление [...] А. А. Андронов говорил, что кибернетика базируется на теории колебаний и автоматическом регулировании, что за ней будущее, за ее спиной вычислительная техника, новый могучий инструмент точного познания мира.

И далее: «Эта лекция стала как бы заложенной в меня программой действий»¹⁹.

Книга воспоминаний Неймарка – ценный источник. Автор книги находился в центре событий, связанных со становлением и развитием кибернетики в ГГУ: он один из инициаторов создания факультета вычислительной математики и кибернетики и один из организаторов НИИ прикладной математики и кибернетики. В его воспоминаниях ничего не говорится о гонениях на кибернетику в ГГУ, о преследованиях и репрессиях по отношению к людям и структурам этой науки и т. п. Хотя Неймарк нередко обращается к теме отношений науки и идеологии в СССР, политическим аспектам развития советской науки, в частности, в ГГУ.

А. М. Гильман, стоявший у истоков кибернетики в Горьковском университете, также вспоминает о том, что А. А. Андронов

в одной из вводных лекций по курсу теории колебаний, прочитанной в 1948 или в 1949 году [...] коснулся вопроса о кибернетике [...] Резюмируя кратко, Александр Александрович сказал, что он совершенно не будет касаться политических и идеологических спекуляций, которые возникли на Западе вокруг кибернетики, но сама по себе кибернетика – дело весь-

¹⁹ Неймарк Ю. И. Сухой остаток: к истории в лицах научной школы А. А. Андропова. Нижний Новгород, 2000. С. 54.

ма полезное и объяснил почему. Надо отметить, что полезность кибернетики, видимо, плохо была понята «наверху». Во всяком случае в это время в «Литературной газете» появилась большая статья с насмешками над американцами, которые создали громоздкие бессмысленные электронные машины, что свидетельствует о разложении и т. д., и т.п.²⁰

В книгах по истории Горьковского университета об идеологических дискуссиях вокруг кибернетики ничего не говорится, хотя подобная тематика по отношению к другим наукам затрагивается²¹.

Как показывает архивный поиск, протоколы заседаний Ученого совета ГГУ не содержат рассмотрения вопросов, связанных с кибернетикой в ее идеологическом ракурсе (в отличие от физики, химии, языкознания и т.д.).

В научно-идеологических дискуссиях середины XX в. значительную роль играла философия. Сегодня философы нередко получают упреки в свой адрес за негативное отношение к кибернетике в период ее становления. Если говорить о кафедре философии ГГУ, то эти упреки безосновательны. Скорее всего никакого отношения к кибернетике с ее стороны не было вообще: ни положительного, ни отрицательного. Так, протоколы заседаний кафедры с 6 декабря 1949 г. по 12 июля 1956 г. не содержат даже упоминаний о кибернетике и тем более каких-либо ее критических рассмотрений²². А во второй половине пятидесятых годов по инициативе кафедры для студентов и научных работников университета проводились лекции профессора Э. Кольмана не только по тематике философских проблем естествознания, но и на тему «Философские проблемы кибернетики». Кафедра установила тесные связи с вычислительным центром университета, проводя совместные семинары по философским проблемам кибернетики. На теоретических семинарах заслушивались и обсуждались выступления: «О предмете кибернетики», «Философские проблемы кибернетики», «О кибернетических аналогиях», «Кибернетика и биология» и др.

Своеобразное «зеркало» университетской жизни – университетская газета «За сталинскую науку». В ней научно-идеологические дискуссии конца 40-х – начала 50-х гг. XX в. представлены весьма основательно – и в целом, и в рамках ГГУ. К проблемам кибернетики газета обращается лишь в конце 1955 г., отражая развернувшуюся в ноябре того же года дискуссию по кибернетике на философском семинаре радиофизического факультета.

Здесь обсуждались доклады, посвященные развитию кибернетики, которая затрагивала интересы многих наук – физики, биологии, лингвистики, психологии, экономики, социологии. Еще не был выработан ее научный аппарат,

²⁰ Гильман А. М. О становлении кибернетики в ННГУ. Рукопись. С. 10. Архив автора. Упомянутая «большая статья с насмешками» – статья М. Г. Ярошевского «Кибернетика – “наука” мракобесов» (Литературная газета. 5 апреля 1952 г.). В другом месте А. М. Гильман также пишет об отрицательном отношении официальных идеологов к кибернетике (См.: Гильман А. М. О книге Ю. И. Неймарка «Сухой остаток». Рукопись. С. 14. Архив автора). Но никаких подтверждений относительно официальной позиции властей по кибернетике не приводит.

²¹ См., например: Хохлов А. Ф. [ректор ГГУ в 1988–2003 гг.] Университет, рожденный трижды. Нижний Новгород, 1998; Факультет вычислительной математики и кибернетики ННГУ им. Н. И. Лобачевского / Ред. В. П. Гергель, В. П. Савельев. Нижний Новгород, 2008.

²² См.: Центральный архив Нижегородской области. Ф. 377. Оп. 7. Д. 120, 164.

оставалось много вопросов относительно важнейших направлений ее развития. Поэтому широкое обсуждение проблем становления, функционирования, развития кибернетики и ее практического применения на философском семинаре радиофизиков было чрезвычайно актуально.

Участники дискуссии на семинаре – физики, механики, математики – в большинстве своем высказывали позитивное отношение к новой науке, но были и иные, осторожные мнения. Так, профессор биологического факультета Е. М. Воронцов, участвовавший в семинаре, но не выступавший, опубликовал в газете «За сталинскую науку» статью под названием «Некоторые предварительные замечания» как реакцию на обсуждавшиеся на семинаре доклады²³. Кибернетика здесь не называлась лженаукой, отмечалось ее положительное значение:

Конечно, неплохо, когда создается аппаратура, облегчающая умственный труд человека, решая сложные вопросы автоматики, автоматизирует некоторые процессы «механической» работы мозга.

Но «плохо, когда делаются попытки механической трактовки деятельности человеческого мозга». Автор обвинил докладчиков в преувеличенной «оценке деятельности такого рода механизмов» и в обращении в позитивном плане к т. н. «формальной генетике», в ссылках на работы Н. П. Дубинина и Б. Л. Астаурова. И далее:

Попытки перенесения положений кибернетики в биологическую науку и та трактовка связей, которая была дана в докладах, мне представляются спорными. Мы, биологи, не против той помощи, которая уже есть и ожидается от так называемой кибернетики. Все полезное, что она может нам дать – приветствуем, но вместе с тем мы выражаем серьезное опасение в том, как бы не возродились снова проблемы «сведения» биологических процессов к механике, физике, химии.

Воронцов подверг сомнению и даже назвал ошибочной постановку и обсуждение на семинаре радиофизического факультета докладов без их предварительной проверки (! – *А. К.*), без серьезного привлечения к работе над докладом квалифицированных биологов, а также приглашение на семинар студентов.

Содержание и стиль этой статьи существенно отличаются от подобных публикаций в университетской газете конца 1940-х – начала 1950-х гг., которые относились к мировоззренческим и методологическим вопросам физики, химии, биологии, языкознания и т.д. Нет ритуальных ссылок на классиков марксизма и политических лидеров того времени. Нет обращений к руководящим партийным и государственным структурам. Нет требований пересмотра взглядов, запрещения, контроля и т.п. Рассуждения идут от имени автора, выражается его собственная позиция, не претендующая на всеобщее значение, обязательную реализацию.

²³ Воронцов Е. М. Некоторые предварительные замечания // За сталинскую науку. 21 ноября 1955 г. № 31. С. 2.

В опубликованном вскоре в университетской газете отзыве на эту статью, подписанном «Группа участников семинара», была дана ее критика:

Профессору Воронцову не понравились доклады, сделанные на семинаре, и он пытается бросить тень на саму организацию семинара, но при этом высказываются мысли, вызывающие недоумение. Оказывается, что по мнению автора статьи, на семинаре не следует ставить докладов дискуссионного характера и [...] не следует приглашать студентов. Однако их интерес к обсуждению спорных научных вопросов мы считаем фактом положительным, т. к. высшая школа должна выпускать специалистов, способных самостоятельно решать сложные научные вопросы²⁴.

И, наконец, еще один отклик – статья С. Яблонского (один из докладчиков на семинаре) «По поводу некоторых замечаний профессора Е. М. Воронцова»²⁵. В ней – о кибернетике, ее связи с другими науками, о так называемых «спекуляциях» вокруг кибернетики. Автор указывает, что профессор Воронцов допустил искажение: якобы «в докладе было сказано, что все философы вообще в вопросах современной науки безграмотны». На самом же деле в прозвучавшем на семинаре докладе

речь шла об ошибках некоторых философов в оценке кибернетики и указывалось на необходимость владения философами специальными областями различных наук. В качестве положительного примера указывалась интересная статья т. Кольмана «Что такое кибернетика?».

Кроме того, на семинаре высказывались идеи о возможности построения «модели для изучения отдельных функций живых организмов, включая наследственность», причем подчеркивалось, что «современные вычислительные машины могут оказать определенную помощь селекционерам». Кибернетика ставит серьезные междисциплинарные мировоззренческие проблемы, их надо разрешать, к ним проявляется широкий интерес, но имеет место не всегда корректное толкование.

В этой обстановке особенно важно провести широкое обсуждение проблем кибернетики, обсудить возможные пути ее приложения и, наконец, дать глубокое марксистское толкование философских проблем, стоящих перед этой дисциплиной. Последнее приобретает особую важность также и в связи с тем, что идеологи буржуазной философии пытаются использовать кибернетику для очередного похода против марксизма. Здесь мы имеем дело со всякого рода спекуляциями, начиная от провозглашения господства роботов вплоть до отождествления машин и мозга, до подмены реальных процессов, происходящих в живых организмах, процессами, происходящими в машинах. Задачей наших научных работников является полное разоблачение всех этих философских вывертов.

²⁴ Обсуждаем статью «Некоторые предварительные замечания» // За сталинскую науку. 8 декабря 1955 г. № 33. С. 2.

²⁵ Яблонский С. По поводу некоторых замечаний профессора Е. М. Воронцова // За сталинскую науку. 26 декабря 1955 г. № 36. С. 2.

Заканчивается статья серьезным обвинением в адрес Воронцова:

Нежелание некоторых наших специалистов глубоко заняться новыми научными дисциплинами или их разделами, возникающими в последнее время, попытки объявить такого рода дисциплины лженауками и закрыть к ним доступ подрастающей научной молодежи принесли уже немало вреда нашей подрастающей научной молодежи. Статья проф. Е. М. Воронцова, к сожалению, идет по тому же осужденному нашей партией пути. В связи с этим напомним, что т. Хрущев на сентябрьском Пленуме ЦК КПСС в 1953 году, говоря о недостатках в работе научных учреждений, отметил: «В научных учреждениях недостаточно развернута критика и самокритика, отсутствуют творческие дискуссии и свободный обмен мнениями, нередко культивируется атмосфера подхалимства и угодничества вокруг отдельных ученых». Статья проф. Воронцова направлена по существу против ликвидации этих недостатков и поэтому не может не вызвать возражений с нашей стороны.

Это обвинение напоминало недавнее прошлое. Обращение к таким инстанциям, как партия, ее лидер и т. п. впервые появилось в дискуссии. И выдвинуто оно было со стороны безусловных сторонников кибернетики. Обращение к властным структурам идет не со стороны критиков кибернетики, а со стороны ее адептов. Ритуальность сохраняется, но уже с другим «знаком», направленная по иному «вектору», по «вектору» иного направления. Содержание меняется, но подход сохраняется.

На этом события не остановились. Под рубрикой «Обсуждаем статью “Некоторые предварительные замечания”» в университетской газете появилась новая статья Воронцова «Мой ответ физикам»²⁶. В ней отвергаются обвинения, касающиеся организационных аспектов проведения семинара на радиофаке. Автор заявляет, что он, разумеется, не против дискуссий, не против научной критики, но против неподготовленных дискуссий, за привлечение на них квалифицированных специалистов. Далее в тексте статьи интересный пассаж:

Советская наука свободна. Поэтому и появляется в нашей печати немало острых статей, обсуждающих те или иные проблемы не с общепринятых и методологически не всегда верных позиций.

И далее – о кибернетике, точнее не столько о ней как таковой, а о ее функционировании в науке.

Мне непонятна исключительная горячность, с какой кибернетики и наши радиофизики отстаивают попытки весьма, на наш взгляд, скромной и полезной научной дисциплины забираться в совершенно чуждые ей области знаний.

²⁶ Воронцов Е. М. Мой ответ физикам // За сталинскую науку. 10 января 1956 г. № 1. С. 2.

Имеется в виду реализация кибернетического подхода в биологии.

Я не говорю – не занимайтесь, физики, кибернетикой. Я не имею на это никакого права, но мое право рекомендовать товарищам столь торопливо и горячо обрушившихся на меня, глубже разобраться в методологических основах кибернетики.

Следующий шаг – статья профессора А. Мельниченко (ректор ГГУ в 1946–1952 гг.) «Замечания биолога о кибернетике»²⁷. В ней нет упоминаний о семинаре на радиофаке, о прежних публикациях в газете на эту тему, о позициях коллег и их взглядах. Статья проблемно связана с предшествующим ей обсуждением. В ней речь о кибернетике как таковой, о сложностях в ее развитии, некорректных выводах, которые делаются из ее содержания, о соотношении кибернетики и биологии, в частности, генетики.

В итоге краткого анализа некоторых положений кибернетики, можно сказать, что эта новая отрасль современной математики представляет большой интерес для биологии. Она значительно расширяет перспективы математического описания механических, физических и других форм проявления жизни, в том числе самых сложных. Однако в понимании даже высшей нервной деятельности человека многие кибернетики допускают ложные, грубо механистические толкования, неизбежно приводящие их к идеализму. Но эти ошибки не дают оснований для огульного обвинения всей кибернетики в лженаучности и идеализме. Творческое овладение единственно верной философией и теорией познания – диалектическим материализмом поможет кибернетикам преодолеть ошибочные тенденции, имеющиеся в их обобщениях. Известную помощь может оказать также более широкий контакт с биологами и творческие дискуссии.

Статья Мельниченко претендует на академизм. Поэтому не случайно, что вскоре в газете была напечатана маленькая заметка «Отклики на статью проф. Мельниченко»²⁸. В ней – об интересе, проявленном советскими учеными к этой статье, и даже об официальном предложении журнала «Агробиология» расширить ее текст для публикации в этом журнале.

Кто победил в этой небольшой газетной дискуссии? Одна сторона по сути дела ставила знаменитые вопросы И. Канта о возможностях и границах человеческого разума – возможности и границы применения идей и методов кибернетики. Другая (сторонники кибернетики) не только сформулировала четкую научную позицию, но и выступила с обвинениями, выходящими за рамки чисто академической дискуссии, апеллируя к высшим политическим инстанциям. Что, впрочем, не привело, как во многих прежних аналогичных ситуациях, к каким-либо организационным выводам ни в одну, ни в другую сторону. А в вопросе о кибернетике сама жизнь в скором времени сняла все сомнения.

²⁷ Мельниченко А. Н. Замечания биолога о кибернетике // За сталинскую науку. 16 февраля 1956 г. № 5–6. С. 2.

²⁸ Отклики на статью проф. Мельниченко // За сталинскую науку. 18 апреля 1956 г. № 15. С. 2.

Символично, что дискуссия о кибернетике прилась на последние месяцы существования (последние номера выпуска) университетской газеты «За сталинскую науку». С мая 1956 г. стала выходить газета с новым названием – «Горьковский университет». И это не просто смена вывески. Эволюция постановки и рассмотрения проблем развития науки, ее места и роли в обществе, культуре с 1948 г. (начало выпуска университетской газеты) по 1956 г. (изменение названия) весьма значительна. Достаточно сравнить отражение на страницах газеты дискуссии по биологии и обсуждение проблем кибернетики. Изменилось не только название газеты. Изменились ее целевые установки, содержание, форма подачи материала, стиль публикаций. Изменение названия – знамение времени.

Закономерен переход от «сталинской» науки в ГГУ к науке университетской. В аспекте отношений науки с идеологией и мировоззрением – да будет так! Но с точки зрения статуса и роли науки в обществе и государстве, отношения к ней властных структур, материального обеспечения, общественного внимания, т. е. с позиции некоторых (не всех) социально-культурных аспектов бытия науки, наука в СССР остается для современного времени позитивным воспоминанием.

В целом становление, развитие и институционализация кибернетики в Горьковском университете проходили в спокойном русле и позитивном плане. Результатом этого процесса стало образование в ГГУ в 1963 г. первого в СССР факультета вычислительной математики и кибернетики, а немного позднее, в 1965 г. – научно-исследовательского института прикладной математики и кибернетики.